

21	0224-01	ИННА ЛИСНЯНСКАЯ	"Сожжённые слёзы"	Часть 1 "Сквозь меня"
22	0224-02	ИННА ЛИСНЯНСКАЯ	"Сожжённые слёзы"	Часть 2 "Норма величья"
23	0224-03	ИННА ЛИСНЯНСКАЯ	"Сожжённые слёзы"	Часть 3 "Вон из рёбер"
24	0224-04	ИННА ЛИСНЯНСКАЯ	"Сожжённые слёзы"	Часть 4 "У погибели на краю"
25	0224-05	ИННА ЛИСНЯНСКАЯ	"Сожжённые слёзы"	Часть 5 "В предпогромные дни"

"Сожжённые слёзы" (Коренблит – Лиснянская)

Часть 3 "Вон из рёбер"

1(51). Вот я какая	– 1.05
2(52). Прощальная	– 0.59
3(53). Потребность в соли	– 1.36
4(54). Метаморфоза	– 1.48
5(55). Лишь одним одержима	– 1.06
6(56). Неизвестно кто	– 1.08
7(57). Ты права	– 1.27
8(58). Кукла	– 1.54
9(59). Равновесие	– 2.24
10(60). Слово не погасло	– 1.28
11(61). Мои дети	– 2.14
12(62). Тополиная моль	– 2.22
13(63). А я смеюсь	– 1.28
14(64). Пылесос	– 1.49
15(65). Потерянная голова	– 1.23
16(66). И грустно поэту	– 1.03
17(67). Вон из рёбер	– 1.54
18(68). Вне системы	– 0.44
19(69). Я – не Кассандра	– 1.24
20(70). Пустота	– 1.15
21(71). Жизнь моя	– 1.31
22(72). Отеческий глотаю дым	– 2.16
23(73). Зеркала	– 1.28
24(74). Только правда	– 1.16
25(75). Отчаянный крик	– 1.39

Общее время звучания - 38.41

Общее время звучания - 190.58

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 3 "Вон из рёбер"

1. ВОТ Я КАКАЯ

Всё мне открылось
С недавнего дня.
Сделай ты милость,
Забудь про меня.

Лучше забвенной
Мне быть до конца,
Чем без венца,
Без кольца, без лица.

Кто я такая
 В сознание твоём?
 Ветка чужая
 На древе родном,

Яблоко рая,
 Но с адским червём —
 Вот я какая
 В сознание твоём.

2. ПРОЩАЛЬНАЯ

Но прости-прощай,
 Хлебом не стращай,
 Я ведь шла не для
 Твоего рубля,
 Я ведь шла к тебе,
 Как судьба к судьбе,
 Как к добру добро,
 Как к ребру ребро,
 Как к крылу крыло,
 Да не приросло
 К одиночеству
 Одиночество.

3. ПОТРЕБНОСТЬ В СОЛИ

Мы встретились — так было суждено,
 Мы разошлись — так стало неизбежно.
 И наших слез тяжелое вино
 Алкало небо жадно и неспешно.

У неба, согласишься, куда острей
 Потребность в соли, нежели в глюкозе.
 Когда б не слезы, не было б морей,
 Наверное, когда б, когда б не слезы...

Так думаю, так легче думать мне,
 Что все мы плачем лишь во имя моря
 Беспечного, с заначкою на дне
 Жемчужин счастья и кораллов горя.

Недаром цвет коралла красноват,
 Как та ладонь... Всё в жизни справедливо.
 А жизнь — но кто же в этом виноват? —
 Подобие прилива и отлива.

Как дышит море, из волны в волну
 Медовую луну переливая.
 И коль всплакну — от нежности всплакну,
 Что ты живой и я ещё живая.

4. МЕТАМОРФОЗА

Прошу тебя,
 Учитель мой, Овидий!
 Сошлись любя,
 Расстались ненавдя.
 Горит в стекле
 Созвездье винограда,
 А по земле
 Блуждают звезды ада.
 Но то вино,
 Что пью, и то, чем стану,
 Продавит дно
 Вселенскому стакану.

2

Глазами — внутрь, лицом наружу,
 Ногами — ясно, что — вперед,
 Последнюю здесь встречу стужу,
 Где межеумочный разброд.
 Смерть неминуема — хоть тресни,
 Но есть спасительный зазор,
 Есть Книга Книг, и Песня Песней,
 И всепрощающий Фавор.
 Метаморфоза: мой Овидий
 Мне в койку кофе подает, —
 И жизнь в любом прекрасна виде —
 И в целостности, и вразброд.

5. ЛИШЬ ОДНИМ ОДЕРЖИМА

На нежной груди херувима
 Стального столетья броня...
 А я лишь одним одержима:
 Ты больше не любишь меня!

Под небо Иерусалима
 Моя устремилась родня...
 А я лишь одним одержима:
 Ты больше не любишь меня!

К земле подступает незримо
 Начало последнего дня...
 А я лишь одним одержима:
 Ты больше не любишь меня!

6. НЕИЗВЕСТНО КТО

Был в гостях неизвестно кто,
 Говорил неизвестно что,
 Я-то думала лишь про то,
 Почему он не снял пальто.

Я-то думала лишь о том,
 Что построен глупо наш дом,

Что окно с наружной стеной
Образуют угол прямой,
Что из комнаты мне видна
Лишь кирпичная та стена.

Был в гостях неизвестно кто,
Говорил неизвестно что,
А потом он в окно полез
И в кирпичной стене исчез.

7. ТЫ ПРАВА

Провод заменил лучину,
Повод подменил причину,
А для повода — всё любо,
Ты права, моя голуба.

Повод был пить самогонку,
Повод был вопить вдогонку:
Нежен терн, а лавры грубы!
Ты права, моя голуба.

Голос — вымогатель эха,
Слезы — попрошайки смеха.
Горе слепо, счастье глупо...
Ты права, моя голуба.

8. КУКЛА

В доме своём озираюсь я воровато,
Всё мне изгнаньем грозит — даже подушка.
Даже в окне небесной выделки вата
И на гвозде сатиновая старушка.

Что ты смеешься, к доске приращенная клеєм,
К точно такой, где я хлеб нарезаю обычно?
Или смеёшься над тем, что ещё пожалеем,
Ах, пожалеем ещё обо всём и публично?!

Так для чего нам мерещились вольные дали
И для чего мы о них заводили беседу?
Лучше б меня, как тебя, на доске распластали,
Я никуда не могу, никуда не уеду!

Если с доскою разделочной ты, моя прелесть,
Нерасторжимое нечто уже составляешь,
Как мне живой отлепиться от места, где пелось!
Что ты смеёшься и плакать меня заставляешь?

9. РАВНОВЕСИЕ

Думала: хоть что-то перестроено,
Но на деле — все перелицовано,
И твое лицо — ты так устроена —
Этою бедою зацеловано.

Смехом ее горьким изморщинено, —
 Стала правда ложью, гость — непрошеным,
 И двуглавый в небе, что подсинено
 С краю одного, глядится коршуном.

Коготь да зеленый серпик месяца
 Друг о дружку точатся и тупятся.
 Жизнь твоя, как погляжу, — нелепица,
 Смерть твоя — пред Господом заступница,

Только за кого, — мне знать не дадено,
 Как ни морщю лоб — одна испарина...
 Сколько у тебя судьбой украдено,
 Ровно столько же тебе подарено.

10. СЛОВО НЕ ПОГАСЛО

Фонарь погас, а Слово не погасло.
 За Книгой незаметно рассвело.
 Протри, рассвет, оконное стекло,
 Подлей в лампаду солнечного масла!

Ты посмотри, мне снова повезло!
 Есть крыша у меня, Исход и Числа,
 Пушистой вербой кресло проросло,
 И мышшь давным-давно свое догрызла.

И дерево добра и зла, увы,
 Ты помнишь, не избегло листопада,
 И я горела в пламени листвы
 И догореть боялась, как лампада.

И вот сижу за Книгой у стола,
 Шуршат страницы, верба и зола...
 Я жизнь перебираю бестолково.
 Фонарь погас, погасли зеркала,
 И лист погас. Но не погасло Слово.

11. МОИ ДЕТИ

Мне б заплакать, да глаза мои засушливы,
 И прошу я у заступника Николы:
 Защити моих детей, они ослушники,
 Мои дети — это голые глаголы.

Закаляла их в водице разноградусной,
 Упреждала: на дворе не та минута,
 Сколько можно жечь сердца в стране безрадостной.
 Но ослушались и обожглися люто.

Остуди на них ожоги сердцевидные,
 Огради и от злопамятливой вспышки!
 Сам ты видишь, мои дети незавидные,

Но какие ни на есть — мои детишки.

И людей ты защити, — их сны тяжелые,
Дни безденежны, и в памяти — проколы,
И кому нужны мои глаголы голые,
Простодушные до глупости глаголы?

12. ТОПОЛИНАЯ МОЛЬ

Только в отрочестве раскрывала тетрадь,
Словно в мир окно и из мира окно,
Чтоб себя показать и других повидать,
Как давно это было и как смешно.

То ли дух усох, то ли мозг распух, —
Ты себя разгадывать не неволь.
Прежде в окна летел тополиный пух,
А теперь летит тополиная моль.

От нее подоконник подвижно сер,
И тетрадь как ртуть, — хоть не раскрывай.
А меж тем в окне тот же самый сквер,
И хрусталь трамвая, и сам трамвай.

Только люди с виду совсем не те, —
Кто в обносках ходит, а кто в бобрах.
Научись о них писать в темноте,
Научилась же ты сидеть на бобах.

Ностальгична старость. Да ты не из тех,
Кто на раны текущие сыплет соль.
Да и тополь безгрешен, как детский смех:
Все ж — не мертвый пух, а живая моль.

13. А Я СМЕЮСЬ

Время каждой ягоде
Знаю наизусть.
Мне бы надо плакати,
Ну, а я смеюсь.

Вы меня забудете —
Сквозь года смотрюсь.
Мне бы надо думать,
Ну, а я смеюсь.

И, как утка в заводи,
За воду держусь.
Мне бы надо плакати,
Ну, а я смеюсь.

14. ПЫЛЕСОС

Какое несчастье, что я научилась смеяться!
Как быть и что делать — уже не задам я вопроса.

С тахты поднимаюсь, когда начинает смеркаться,
И движусь по миру, держась за кишку пылесоса.

Гуди и заглатывай всё, что незримо и зримо:
И совесть, и память, и грифель топлёный, и пудру,
Отрепья сознания и струпья отпавшего грима, —
Всё это уже ни к чему мировому абсурду!

Заглатывай косточку яблока — весточку рая!
Какая потеха — вечерняя наша морока, —
В единое нечто разрозненный сор собираем
В том хаосе, где и пылинка — и та одинока!

Своей насыщаться работой — не это ль порядок?
Гуди, пылесос, и заглатывай свежую пищу! —
Засохшие бабочки, хлопья истлевших тетрадок
И пепел табачный, и пепел того пепелища,
Где я научилась смеяться...

15. ПОТЕРЯННАЯ ГОЛОВА

Ну как не потерять тут головы
От счастья и от горя
Под вдохновенным куполом листвы
Июльского подворья.

Рисуют ангелов меж облаков,
А Библии рассказы
Вмещают в нимбы солнечных желтков
Берёзы-богомазы.

Все образа просты и хороши,
Легки, как Божье имя.
Но горе мне — весь свет моей души
Сейчас в Ерусалиме.

А в ком я не скажу. Ужасно знать,
Что в этой жизни чудной
Помимо сына блудного и мать
Бывает блудной.

16. И ГРУСТНО ПОЭТУ

Декабрь девяностого года,
Все хрустко и хлётко, —
Ломается резко погода,
Как голос подростка.

По швам все трещит —
И вещь, и о вещи понятие.
Убойный омовский щит,
Имперское платье.

Меняется резко погода,

И грустно поэту:
 Нет в прошлое входа,
 В грядущее выхода нету.

17. ВОН ИЗ РЕБЕР

Уходят частные предметы
 Из общих слов,
 Как рыбины-свободоведы
 Из неводов,
 Ножовкой плавников решетку
 Перепилив,
 Хвостами опрокинув лодку
 В ночной прилив.
 Я отвлеклась, соблазн метафор
 Меня отвлек
 От жизни, где трепещет автор
 Двух первых строк.
 Я поймана, но не убита.
 Вьюсь на крючке
 У ловкого ловца — у быта.
 В его зрачке —
 Я вещь в плену у ширпотреба,
 Вещь на волне
 Телепатического неба
 В телеокне.
 Что мне приливы мыльных опер?
 Подобье волн?
 То сердце рвется вон из ребер,
 Из ребер — вон.

18. ВНЕ СИСТЕМЫ

Я вряд ли смогу находиться в системе
 Какой бы то ни было.
 Я вряд ли смогу расчленить своё время
 На убыло — прибыло.

Несчастливая память — и та не разъята
 На правду и вымысел,
 И помню я больше, чем знала когда-то,
 Когда меня выбросил

Потоп в тот хаос, где Христос и охранка
 И дань суеверию,
 Где грубо кусок вымогает цыганка,
 А быдло — империю,

Где небо так ясно и так сумасбродно,
 Где так я зависима
 От каждой пичужки, живущей свободно,
 Как было замыслено.

19. Я – НЕ КАССАНДРА

Глупо не знать о прошлом
И поспешать в грядущее.
В сердце России дошлом,
В сердце Руси все сущее

Нынче так разнбойно.
Хитрое, простодушное
Время всегда разбойно,
Если житье побирушное.

Сиюминутная правда
Смертью моей называется.
Колокол миокарда
В сердце моем разрывается:

До наилучшего завтра!
Даже на адском вертеле
Крикну: я — не Кассандра,
Верьте мне, люди, верьте мне:

Если дитя смеется,
Если старуха чванится,
Все еще утрясется,
Все еще устаканится.

20. ПУСТОТА

Не веруем. Но жаль души утраченной,
И чтобы пустота не пустовала,
Ее мы набиваем всякой всячиной
Из дерева, пластмассы и металла.

И я ввожу предметные подробности,
Давясь то ль слезой, то ль запятою,
И лишь немногим достаёт способности
Ту пустоту оставить пустотою.

А вдруг душа вспомнит и воротится,
И не найдет такого уголочка,
Куда б могла поставить Богородица
Корыто для Спасителя-сыночка.

21. ЖИЗНЬ МОЯ

Взгляну налево, посмотрю направо:
Всё на воде стоит — и град и власть,
И жизнь моя — всего лишь переправа,
И я почти до места добралась.

Не надо мне последнего свиданья, —
Ни в чьих глазах печали не прочту,
Не надо и минутного молчанья, —
Сама себя молчанием почту.

Мне ль не молчать?! Я столько говорила
И всё-то попусту, всё невпопад...
Словами зацветёт моя могила,
Но сорными, как одичалый сад.

И только ты мне на прощанье свистни,
Мой брат, мой подмосковный соловей.
Всё на воде стоит, и мне от жизни
Не надо даже трёх её свечей.

22. ОТЕЧЕСКИЙ ГЛОТАЮ ДЫМ

Клён кадит, и клочьями червонными
Дым кадильный надо мной плывёт,
Осень над отбросами зловонными
Сладко пахнет, и душа поёт.

Жизнь прошла у жизни на обочине.
Горюшка немало претерпев,
Стал острее глаз, а слух отточенной,
И отзывчивее каждый нерв.

Шевелятся волосы на темени
То ли у меня, то ль у земли:
Многие живые стали теньями,
Ожили, которые ушли.

Оторочена худою славою,
Трачена забвением глухим,
Я стою над сточною канавою
И отеческий глотаю дым.

23. ЗЕРКАЛА

Судьба пытала, брила наголо,
И ты жила сверх всяких сил, —
Лицо смеялось, песня плакала,
Народ руками разводил.

Ты, и поняв всю степень бедствия
Слыть полоумной иль чужой,
Не находила соответствия
Меж оболочкой и душой.

Но было и страшней мучение:
Ты всматривалась в зеркала
И подлинного отражения
Никак найти в них не могла.

Стекло лицо твоё коверкало,
Но пела пустота в тиши,
Что кроме музыки нет зеркала
у человеческой души.

24. ТОЛЬКО ПРАВДА

Так печальны вокруг обстоятельства,
 Что по зеркалу я садану, —
 Там застыло в глазах обязательство
 Говорить только правду одну.

А кому эта правда помощница?
 Не спасёт никого и никак,
 Умный выслушает и поморщится,
 И задумчиво сплюнет дурак.

Оба правы. От правды нет прибыли,
 Море крови под ней пролегло.
 Как еще до сих пор мне не выбили
 Оба глаза и это стекло?

Что мне стоит самой с ним расправиться?
 Взмах — и вдребезги! Сущий пустяк...
 Только сердце моё окровавится,
 Только сердце, а не кулак.

25. ОТЧАЯННЫЙ КРИК

Рассвело, расступилось, настало,
 Снизло по златому лучу.
 Я об этом ещё не сказала,
 Я об этом ещё промолчу,
 Что стемнело, сгустилось, пропало,
 Седовласой петлём завилось.
 То и это — ни много, ни мало —
 Мною жизнью и смертью звалось.

Божий крест неужели всё тот же?
 И я слышу на стыке веков
 Со столичных балконов и лоджий
 Упреждающий крик петухов.
 Не второе ль пришествие ждётся?
 Неужели предаст ученик?
 А другой ученик отречется
 Под петуший отчаянный крик.